

Они посмотрели на Цзина: раз господин велел спасать, значит, надо спасать. Ко всем прочим они не питали никаких чувств, во всех трёх мирах они признавали лишь своего господина.

Но Цзин застыл в оцепенении. Что происходит? Неужели убийство?

В его представлении люди были лучшими из живых существ, демоны и духи лишь вечно сражались друг с другом. Люди же были для него подобны снежному лотосу с гор Тяньшань — чистейшие, безупречные. Даже несмотря на недавние события с Цзи Ланем и Цзи Яном, тех принцев он и так давно считал негодяями. Однако он и предположить не мог, что обычные женщины способны на такую жестокость!

Он не знал, кто спит за пологом, но убивать исподтишка — неправильно! Это ужасно! Если уж убивать, то только открыто, в честном поединке!

Он тут же протянул руку, окутанную водяным туманом, и бросил его к кровати. Туман превратился в водяную завесу, которая накрыла полог. В тот же миг полог отдернули изнутри. В руках у женщины был кувшин с водой — она собиралась залить огонь.

Но неожиданно появившаяся водяная завеса уже потушила пламя.

Женщина слегка опешила и мгновенно взглянула в сторону Цзина.

Цзин тоже был ошеломлён, а взглянув на её лицо, и вовсе растерялся.

Перед ним была женщина неопределённых лет с невероятно красивым лицом. Но не красота заставила его остолбенеть. Её черты были поразительно похожи на черты Цзи Яна, сходство было разительным. Это было не то поверхностное сходство, как у двойников, где лишь внешность совпадает, а речь или движения сразу выдают подмену.

Если говорить о чертах лица, она даже не была так похожа, как тот двойник, да и пол разный.

Но её спокойный, изучающий взгляд и вся манера держаться, ощущение, которое она излучала, — всё это было точь-в-точь как у Цзи Яна.

Даже Цзин понял: это наверняка мать Цзи Яна!

Этой женщиной действительно была наложница Лу, мать Цзи Яна. Она провела в Холодном Дворце уже больше двух месяцев и прекрасно знала, что многие жаждут её смерти. Но она — наложница Лу, прожившая во дворце более двадцати лет, дочь семьи Лу. Даже будучи мягкой и неконфликтной, все эти годы она пользовалась исключительной благосклонностью императора. Она не могла быть совершенно отстранённой от дворцовых дел.

Способы навредить в Холодном Дворце были ограничены, и с первого дня она тщательно оберегала себя.

Прислуги здесь было мало, а тех, кого можно было подкупить извне, и вовсе можно было пересчитать по пальцам. Любой, обладающий хоть каплей проницательности, сразу видел, кто на чьей стороне. Она не знала, что творится за стенами, но верила в своего сына и свою семью. Она предполагала, что как только Цзи Ян доберётся до провинции И и начнёт действовать, её недруги занервничают. Ждать оставалось недолго.

И вот — стоило служанке войти, как она всё поняла. Всё шло по её ожиданиям, за исключением одного.

Во дворец она попала в шестнадцать, на следующий год родила Цзи Яна. Роды прошли тяжело, и после этого она больше не могла иметь детей. Сейчас ей как раз исполнилось сорок, но время было к ней милостиво, почти не оставив следов. Она не была женщиной из простой семьи. Нахмурившись, она посмотрела в ту сторону, откуда появилась водяная завеса.

Все говорили, что во дворце водятся духи — слишком уж много здесь было несчастных и невинно погибших. Но она никогда не боялась: духи вредят лишь злодеям, а за своей совестью она была чиста.

Холодный Дворец и вовсе слыл местом, кишачим призраками.

Неужели это и вправду был дух?

Наложница Лу на мгновение задумалась, затем разгладила лоб, поднялась с кровати, надела туфли и сделала два шага вперёд, глядя в сторону Цзина.

Но Цзин вдруг отступил на шаг. Нун Юэ и Фанфэй не понимали — их господин никого не боялся, почему же он так поступил?

Цзин и сам не знал, почему. Ведь это он сам захотел увидеть мать Цзи Яна и пришёл сюда, полный энтузиазма. Но когда он её увидел, то смутно ощутил необъяснимое, врождённое почтение к ней — к матери Цзи Яна.

Наложница Лу не заметила его отступления. Она мягко произнесла:

— Не знаю, кто вы, но вы только что спасли мне жизнь.

Цзин замер, хотя дышать ему и не нужно было.

— Если это возможно, не могли бы вы показаться, чтобы я могла выразить вам благодарность?

Голос её был по-прежнему мягким и мелодичным, но Цзин всё ещё пребывал в замешательстве.

Он на секунду задумался, а затем, словно в трансе, материализовался перед ней.

Изначально он планировал лишь украдкой взглянуть.

Даже наложница Лу не смогла сдержать удивления, приложив руку к груди. В комнате царил полумрак, лишь слабый свет свечи освещал пространство. И в этом свете перед ней внезапно возник юноша, похожий на отрока у ног бодхисаттвы Гуаньинь, словно сошедший со старинной картины. Его появление словно озарило всю комнату.

Наложница Лу поняла, что ошиблась. Это точно не дух, это божество!

Вслед за юношей материализовались две девушки, выглядевшие лет на десять, но также обладавшие неземной красотой. Наложница Лу и вправду подумала, что её спасло божество.

Будучи смертной, она испытывала благоговейный трепет перед высшими силами. Она была буддисткой и уже готова была поклониться.

Цзин испугался, увидев, как она склоняется, и не понял, что она задумала.

Он поспешно заговорил:

— Я... я не могу принять ваш поклон! Я же...

Божество заговорило!

Наложница Лу подняла голову, её глаза наполнились слезами от радости:

— Благодарю тебя, бессмертный, за спасение моей жизни!

— Я не бессмертный! — Цзин запаниковал. — Я дух!

Наложница Лу не поверила. Она была так рада, что забыла о привычной сдержанности. Она больше не хмурилась, глядя на него, и ему вроде бы не следовало нервничать, но он всё равно волновался. Он замахал руками, бормоча:

— Я... я женился на Цзи Яне! Я пришёл посмотреть на его мать... Нет, нет, мы развелись, я...

Он запнулся, словно язык отказался его слушать, готов был заплакать и беспомощно посмотрел на Нун Юэ и Фанфэй.

Нун Юэ вышла вперёд и сделала почтительный поклон наложнице Лу. Она явно узнала мать Цзи Яна и чётко произнесла:

— Приветствую вас, госпожа наложница. Меня зовут Нун Юэ, а это наш господин...

Она кратко изложила события последних двух месяцев, связанные с Цзином и Цзи Яном.

Пока она говорила, Цзин энергично кивал, а Фанфэй иногда добавляла детали.

Выражение лица наложницы Лу постоянно менялось. Услышав о том, как Цзи Ян чуть не погиб, она прижала руку к груди, а узнав, что Цзин спас его, с облегчением вздохнула. Но дальнейшие события были уже слишком невероятными: её сын женился на этом прекрасном, словно божество, духе?! Наложница Лу пребывала в замешательстве, что было вполне естественно — она впервые сталкивалась с подобным.

Нун Юэ особо подчеркнула, как Цзин принял на себя три стрелы, чтобы защитить Цзи Яна. На лице наложницы Лу всё ещё читались растерянность, недоумение и даже некоторая тревога. Но, услышав это, она подняла взгляд на Цзина. Тот смущённо прикусил губу, едва не закрыв лицо руками.

Но он вспомнил, что находится перед матерью Цзи Яна, и не должен вести себя по-детски.

Он сжал кулаки и попытался встретиться с ней взглядом.

Глядя на это создание, чистое, как небесная роса, и думая о том, как он защитил её сына, наложница Лу почувствовала странную грусть. Она снова приложила руку к груди и тихо вздохнула.

Нун Юэ закончила рассказ:

— Вот так всё и было. Наш господин сегодня не мог уснуть и решил навестить вас, госпожа наложница. Мы не хотели беспокоить, но...

Кто бы мог подумать, что кто-то попытается вас убить, и наш слишком отзывчивый господин снова вмешался.

Цзин снова энергично кивнул, с надеждой глядя на наложницу Лу.

В книгах, которые он читал, свекрови часто презирали невесток-духов. Он был гордым господином Цзином! Он уже развёлся с Цзи Яном! Ему не следовало так волноваться, но ему ужасно хотелось знать, что наложница Лу думает о нём.

Рассказ о событиях двух с лишним месяцев занял у Нун Юэ около четверти часа.

Закончив, наложница Лу долго молчала, отчего Цзин нервничал ещё сильнее. В самый напряжённый момент она наконец подняла голову и подошла к Цзину. Тот застыл в оцепенении, но наложница Лу присела перед ним, совершив почтительный поклон.

Цзин был полностью ошеломлён, и его служанки тоже.

Даже не зная в тонкостях человеческих обычаев, они понимали: старшие не должны кланяться младшим.

Наложница Лу поднялась, по-прежнему с мягкой улыбкой, и сказала:

— Это благодарность от моего сына, Цзи Яна.

Затем она снова поклонилась. Цзин поспешно протянул руку, чтобы остановить её, но наложница Лу уже завершила поклон. Она взяла его за руку, помогая подняться, и снова улыбнулась:

— А это — благодарность от меня самой.

<http://bllate.org/book/15942/1425256>